

**Головин Ю.Н.,
учитель русского языка
и литературы
НОУ**

**Средняя общеобразовательная школа
Гуманитарно-художественный центр
«МИРТ»,
Санкт-Петербург**

Страсти по «золотому тельцу»

*Деньги – это Бог нашего времени,
И Ротшильд пророк его.
Генрих Гейне*

Сюжет известной восточной притчи банален до нарочитости, то есть «нарочно – не придумаешь»: некий индус в поисках эфемерного счастья, как некогда «блудный сын», обошел полмира и, наконец, усталый, «голодный и хладный», вернулся на родину, уселся под пальмой и с наслаждением принялся обозревать родные просторы. Проходивший мимо англичанин попытался наставить индуса-бездельника на путь истинный: предложил трудиться, с тем чтобы посредством этого самого труда скопить первоначальный капитал, впоследствии – построить дворец для себя, своей семьи, а следовательно, – и для своего государства. Тогда можно будет точно так же устроиться под пальмой и обозревать с наслаждением окружающий мир, но уже с чувством собственной самодостаточности и сознанием своего отнюдь не эфемерного богатства.

В контексте предложенной темы обращают на себя внимание две характерные детали в этом назидательном продукте устного народного творчества. Первая – присутствие англичанина в Индостане – что называется, с головой выдает время появления и распространения притчи — не ранее XVII века. Эта же деталь прямо указывает на издавна намеченное противостояние Востока и Запада, о чем недвусмысленно устами Чацкого напоминает А.С.Грибоедов в бессмертной комедии «Горе от ума»:

*...Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья!*

И чуть далее:

*Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев;
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.*

Вторая — идея накопления «первоначального капитала» — легко проецируется на Россию, ибо еще со времени великого Петра, первым из российских императоров решившегося на денежную реформу, предприимчивые россияне только и делали, что занимались «накоплением первоначального капитала». Между тем проблема власти денег, несправедливой наживы, стяжательства не стала краеугольным камнем в русской литературе XVIII века — она еще только-только обозначилась (вспомним соответствующие сцены из хрестоматийно известной комедии Д.И.Фонвизина «Недоросль»). Зато в литературе XIX столетия эта тема ставится во главу угла. В чем тут дело? — Попробуем разобраться.

Середина и конец XIX века для России — время больших перемен, момент коренного перелома. Изменились не просто исторические декорации, полностью поменялась система ценностей, на которой было воспитано не одно поколение россиян. Реформа 1861 года отбросила страну в самое начало того пути, которым уже прошло большинство европейских стран: дореволюционный опыт успел забыться, а реалии жизни, в которой «все перевернулось и еще только укладывалось», не подходили для нового времени. При этом ЧТО перевернулось, было более или менее понятно, а вот что УКЛАДЫВАЕТСЯ, что въезжает в Россию в «чичиковской бричке», — это еще «надо было посмотреть». В дореформенной России не было, да и не могло быть в силу ее особенностей, полноценных торгово-рыночных отношений. Жителям пореформенного пространства пришлось приспособливаться к требованиям времени. «Кто не жил в России в шестидесятые годы, тот не знает, что такое жизнь», — так определил свое время Лев Николаевич Толстой. Поэтому очень важно было обратиться к самой основе — к традиционной психологии русского человека и понять, каково же русское отношение к материальным ценностям, в первую очередь к деньгам, и чем оно отличается от западноевропейского.

Одним из первых время «первоначального накопления капитала» исследовал И.А.Гончаров, противопоставив в своем главном романе «Обломов» коренного русака, 33-х-летнего Обломова — пусть обрусевшему, но все-таки немцу — Штольцу. При этом автор поместил героев в столицу Российской империи Санкт-Петербург, что, оказывается, весьма симптоматично. Дело в том, что Петербург, в отличие от Москвы, предстаёт в литературе как некий мистико-фантастический город, Петром Великим замышленная и им же воплощенная в жизнь общеевропейская столица, где русское православие на равных сосуществует с другими религиями, вероисповеданиями и верованиями, и прежде всего — с протестантскими, столь характерными для стран Северной Европы. Заметим в этой связи, что ни один политик или экономист никогда не предлагали россиянам — в качестве примера для подражания — ориентироваться на многовековой опыт стран Азии, Африки, Латинской Америки и даже южных регионов Западной Европы,

хотя «во времена не столь отдаленные» именно Франция, Италия, отчасти даже Греция были законодательницами общеевропейской моды, этикета, культуры в целом.

В этом противопоставлении коренного россиянина с «пришлым немцем» интересен спор героев о смысле и цели жизни, предпосланный именно репликой Штольца:

— Я видел Россию вдоль и поперёк. Трудюсь...

— Когда-нибудь перестанешь же трудиться, — заметил Обломов.

— Никогда не перестану. Для чего?

— Когда удвоишь свои капиталы, — сказал Обломов.

— Когда учетверю их, и тогда не перестану...

— Так когда же жить? — *с досадой* на замечание Штольца возразил Обломов. — Для чего же мучиться весь век?

— Для самого труда, больше ни для чего. Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни...

Обломов слушал его, глядя на него *встревоженными* глазами.

(Курсив мой. — Ю.Г.)

Диалог этот чрезвычайно важен для характеристики героев и для дальнейшего развития действия.

Не будем вдаваться в известные перипетии сюжета «Обломова». Заметим только, что на все увещания Штольца о необходимости труда и умножения капитала у Обломова находится единственный и вполне достаточный аргумент — зачем?! Так «досада» и «встревоженность» Ильи Ильича обретают совершенно зримые и законченные очертания: если, например, труд, то... так-таки всю жизнь трудиться и трудиться? — А зачем?! Или уже вполне осязаемый капитал... удвоить, учетверить, даже удесятерить! — А зачем? За этими «зачем» вопрос почти общепhilософский, чуть ли не вселенского масштаба: какова вообще конечная цель пребывания человека на Земле?

Герои Гончарова отнюдь не философы, и им, естественно, далеко до каких-либо обобщений. Да и все перипетии сюжета романа не сводятся только к этому вопросу: дело не в этом. Обратим, однако, внимание на то, что, как бы ни был нам симпатичен Штолец — третий после пушкинского Германна и гоголевского Христиана Ивановича Гибнера (!) немец в русской литературе! — с его правилами жизни:

«Мудрено и трудно жить просто»;

«Он шел твердо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день, как каждый рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца»;

«Мы не пойдем... на дерзкую борьбу с мятежными вопросами, — говорил Штолец Ольге, — не примем их вызова, склоним головы и смиренно переживем трудную минуту»... —

ни один русский критик, исследовавший творчество И.А.Гончарова и пишущий о романе «Обломов», ни одного доброго слова о герое-немце не сказал.

Добавим: ни в XIX веке, ни в последующие времена вплоть до сегодняшнего дня! Этот факт, по меньшей мере, странен, ибо именно Штольц в романе проповедует близкие любому россиянину идеалы честного труда; мысль о том, что «не в деньгах счастье», а в самом характере труда, в самом процессе изменения мира; перенятый от отца серьезный — не побоимся определения «рациональный» — взгляд на жизнь (даже на все ее мелочи) и прагматичность, которые он пытается уравновесить «с тонкими потребностями духа». Более того, ровесник и друг Обломова (обоим — по тридцать лет «с хвостиком»: сакральный для христианина возраст), Андрей Иванович Штольц любит Илью, пытается расшевелить его (как вышеназванный англичанин — бездельника индуса), привить интерес к самообразованию, настроить на деятельность, какой увлечен сам, к которой был расположен с детства, потому что воспитывался и начинал свое карьерное восхождение совершенно в других условиях. Он потомок той династии немцев-переселенцев, которым путь на российские просторы открыла своим указом от 22 июля 1763 года (почти столетие назад!) Екатерина II Великая. С помощью своих трудолюбивых земляков новоявленная императрица (года не прошло со дня восшествия на престол!) надеялась — и не без оснований! — превратить Россию в изобильное и процветающее государство.

Дело в том, что в государстве, где благосостояние правящего сословия основывалось на крепостном праве, где вся мощь правоохранительной системы была направлена на поиск и возвращение беглых вассалов, возможности использования фактически закабаленного многочисленного крестьянства были весьма ограничены, а это, в свою очередь, препятствовало свободному перемещению населения.

Главный вывод был очевиден: с задачей хозяйственного освоения и защиты новых территорий (речь шла о только что присоединенных к России плодородных землях Причерноморья, восточной части Польши и Крымском полуострове!) могут справиться лишь свободные люди.

Самый большой отклик манифест Екатерины II нашёл на ее родине — в Германии, разделённой на множество мелких государств. Объясняется это тяжёлым социально-экономическим положением немецких крестьян, нехваткой у них земли и возможностью свободного выезда населения за пределы страны. Экземпляры манифеста были массово растиражированы, немецкие крестьяне их буквально «отрывали с руками»: ведь условия переселения были почти сказочными. Например, средства на путевые расходы колонистам выделялись русскими дипломатами, а самому переселенцу было достаточно доехать до первого российского города, явиться к властям, чтобы получить направление на будущее место жительства. На строительство дома, закупку продовольствия, скота, орудий труда и другие необходимые мелочи выдавалась беспроцентная ссуда сроком на 10 лет.

Так почти сто лет назад — по отношению к реформе 1861 года — в России появились и заполонили ее «Штольцы». В их ряду уже упомянутые пушкинский Германн и гоголевский Христиан Иванович Гибнер (практикующий доктор!), и «немец — с хваткой мертвою» некрасовский Христьян Христианыч Фогель (Vogel – нем. — птица), которому до поры, до времени «жилось вольготно-весело» на святой Руси, «многосемейный чиновник», управляющий имением Тоцкого в романе Ф.М.Достоевского «Идиот», и немка-гувернантка княгини Белоконской там же, и ярко выписанный фон Кнорре, противопоставленный в чеховской «Дуэли» русскому интеллигенту Лаевскому... Кстати, не симптоматично ли, что первоначальное название первого же рассказа Антона Павловича звучало несколько иначе, нежели в окончательном варианте, а именно: «Письмо донского помещика Степана Владимировича N к ученому соседу доктору Фридриху» (разрядка моя – Ю.Г.)... Галерея персонажей-немцев в русской литературе может быть продолжена до бесконечности, но...

Штольц-младший, как и большинство ему подобных, служил, вышел в отставку, занялся своими делами и в самом деле нажил дом и деньги.

И вот этот-то, с первого взгляда, положительный персонаж россиянам не нравится! Почему? — Ответ на этот вопрос кроется в корнях русского национального характера и в том отношении к труду и вознаграждению за него, которое присуще только русскому человеку.

Во-первых, известная русская пословица гласит: «Работа не волк (вариант — «не медведь»!) — в лес не убежит». Заметим, что в фольклоре стран Западной Европы, в частности северных регионах, аналога этой «народной мудрости» нет. Это вовсе не значит, что русские — лентяи (Обломовы!). Отнюдь! Но в том-то и дело, что для русского человека «просто труд», деятельность как таковая не могут быть нравственным оправданием жизни на земле. А это, в свою очередь, представляется чрезвычайно важным обстоятельством, ибо, во-вторых, выясняется, что труд сам по себе (в духе Штольца) далеко не гарантирует россиянину, воспитанному в православии человеку, «тишь, гладь, Божью благодать» не только в жизни на грешной земле, но и посмертное блаженство «в царствии небесном». Недаром же еще одна исключительно русская народная мудрость гласит: «С трудов праведных (разрядка моя – Ю.Г.) не построишь (вариант – «не соорудишь»!) палат каменных».

В этом плане абсолютно понятной становится точка зрения Штольца: его отец Иван Богданович — чистокровный немец (!) — дал ему то воспитание, которое получил от своего отца: обучил всем п р а к т и ч е с к и м (!) наукам, рано заставил р а б о т а т ь и отослал от себя окончившего университет сына, в полном соответствии с тем, как с ним поступили в свое время его родители. Но грубые бюргерские нравоучения Штольца-старшего постоянно соприкасались с нежной, ласковой любовью матери, русской дворянки, которая не противоречила мужу, а тихо воспитывала сына по-своему: «...учила его прислушиваться к задумчивым звукам Герца, пела ему о цветах, о поэзии

жизни, шептала о блестящем призвании то воина, то писателя...» Соседство Обломовки с ее «первобытною ленью, простотою нравов, тишиною и неподвижностью» и княжеского имения «с широким раздольем барской жизни» также помешали сделать Ивану Богдановичу Штольцу из сына такого же бюргера, каким был он сам. Дыхание русской жизни «отводило Андрея от прямой, начертанной отцом колеи».

Но все же Штолец-младший — протестант, и причиной всех своих несчастий и страданий он считает самого себя, вину и ответственность «не вешает, как кафтан, на чужой гвоздь». Православный же Обломов, напротив, не находит сил признать себя виновным в своих бедах, в никчемности своей бесплодной жизни: «...жгучие упреки совести язвили его, и он со всеми силами старался... найти виноватого вне себя и на него обратить жало их, но на кого?»

Поиски оказывались бесполезными, потому что причина загубленной жизни Обломова есть он сам. Ему было очень мучительно это сознавать, так как он «болезненно чувствовал, что в нем зарыто, как в могиле, какое-то хорошее, светлое начало, может быть, теперь уже умершее...». Обломова терзали сомнения в правильности и нужности прожитой жизни. Однако с «летами волнения и раскаяние являлись реже, и он тихо и постепенно укладывался в простой и широкий гроб остального своего существования, сделанный собственными руками...». А что же дальше?..

И здесь-то и выигрывает Штолец, ибо протестантизм, в отличие от эмоционального православия, исходит из рационального принципа предопределенности. Иначе говоря, судьба человека предвечно, еще даже до собственного рождения, предрешена: впереди у него либо адские муки, либо райское блаженство. И необходимо непрестанно трудиться, чтобы не только оправдать свое пребывание на грешной Земле в этой жизни, но и получить возможность определить свое место во внеземном пространстве и времени. У протестантов богатство — признак богоизбранности (если ты богат — значит, Бог так тебя отметил, значит, он к тебе благоволит, значит, скорее всего, ты попадешь в рай); у православных же, чьи потребности находятся в эмоциональном, духовном плане, благосостояние «сверх нормы» — всегдашний спутник дьявола, что-то связанное с грехом и грязью (если ты богат — значит, к тебе благоволит дьявол, а не Бог).

Здесь нелишним представляется напомнить, что только в России распространено присловье «не в деньгах счастье», ни немцам, ни англичанам эта сентенция неведома, американцам и канадцам — тем более (до сих пор львиная доля мировых миллиардеров проживает в США). А для россиянина она — чуть ли не путеводная по жизни звезда, хотя в последнюю четверть века (запомним этот «гоголевский угол»!) эта народная мудрость заметно утратила свои позиции среди народонаселения России. Казалось бы, всё просто: немцы, американцы, англичане — все они протестанты, а русские — православные. Между тем в последние десятилетия среднестатистический россиянин вряд ли связывает момент «первоначального обогащения» с грязью или дьяволом.

Отношение это — оно уже не на сознательном, вербальном, уровне, оно въелось гораздо глубже, засело в подкорку. Сегодня мало кто из наших соотечественников действительно ненавидит «презренный металл»; не кланяется ему, не обожествляет — да, в связи с пошатнувшейся верой, может быть, но чтоб ненавидеть... А вот не задерживаются деньги в кошельках россиян — «руки жгут». В качестве подтверждения выдвинутого тезиса можно привести не менее привлекательную галерею литературных персонажей, «промотавших» целые состояния вплоть до полного вырождения в третьем поколении целого рода, в частности купеческого, как это изображено в повести М.Горького «Дело Артамоновых». В чем тут дело?

А дело, оказывается, в том, что истинно русский человек — православный! — исходит из прямопротивоположного протестантскому принципу «свободной воли», согласно которому дорога в рай никому не заказана. Не случайно подлинно народными «героями времени» в жизни и литературе становятся зачастую не только отечественные террористы-«народовольцы», но и настоящие разбойники — Разины, Болотниковы, Булавины, Пугачевы... Вспомним некрасовского Кудеяра:

Вдруг у разбойника лютого
СОВЕСТЬ Господь пробудил...
(Выделено мной. — Ю.Г.)

Он же так, несмотря на все свои прегрешения, и в рай попадет, находя оправдание в толстовской сентенции из «Войны и мира»: «Всё вздор! Можно зарезать, украсть и всё-таки быть счастливым...»

И ведь Кудеяр этот — отнюдь не плод фантазии Некрасова. На память приходит известная история Ивана Осипова, первого вора Москвы, некоронованного короля преступного мира Российской империи. 28 декабря, под новый 1742 год, Иван Осипов отправился в Сыскной приказ и написал Елизавете Петровне «покаянную челобитную». Вернул награбленное за много лет в государственную казну и — более того! — предложил свои услуги в «отлове» своих же подельников, за что ему немедля присвоили официальный статус «доносителя Сысского приказа». И первая же полицейская операция по его наводке накрыла воровскую сходку в доме дьякона — улов 45 человек. Той же ночью 20 членов шайки Якова Зуева взяли в доме протопопа. А в татарских банях Замоскворечья повязали 16 дезертиров и вскрыли подпол с оружием. Разумеется, подобные деяния «по совести» не могли остаться безнаказанными, и Иван Осипов был удостоен прозвища «Ванька-Каин». Впоследствии за новые «подвиги» созданная спецкомиссия по «Делу Осипова» вынесла вердикт — высесть, колесовать, обезглавить. Но в феврале 1756-го Сенат приговор смягчил. Каину дали плетей, вырвали ноздри, заклеили словом В.О.Р. и сослали на каторгу — поначалу в балтийский Рогервик, оттуда в Сибирь. Где он и сгинул.

С европейцем-протестантом, оказывается, ничего подобного быть не может, потому что отношение его к труду, а, следовательно, и к деньгам, накоплениям, изначально диктовалось иными, чем у православных россиян,

соображениями, чему, кстати, впоследствии даст превосходное объяснение, находясь уже в вынужденной эмиграции, русский философ Н.Бердяев в своем капитальном труде «Человек и машина»:

«Бесспорно, экономика есть необходимое условие жизни, без экономического базиса невозможна умственная и духовная деятельность человека, невозможна никакая идеология. Но цель и смысл человеческой жизни лежат совсем не в этом необходимом базисе жизни. То, что является наиболее сильным по своей безотлагательности и необходимости, совсем не является от этого наиболее ценным. То же, что стоит выше всего в иерархии ценностей, совсем не является от этого наиболее сильным. Можно было бы сказать, что наиболее сильной в нашем мире является грубая материя, но она же и наименее ценна, наименее же сильным в нашем грешном мире представляется Б о г (так у Н.Бердяева! – Ю.Г.). Он был распят миром, но Он же является верховной ценностью».

Вернемся, однако, в Обломовку, где тихое течение бытия нарушалось лишь иногда «болезнями, убытками, ссорами и, между прочим, трудом». Труд был главным врагом обитателей имения, наказанием, наложенным «еще на праотцев наших». В Обломовке всегда при удобном случае избавлялись от работы, «находя это возможным и должным». Такое отношение к труду воспитывалось и в Илье Ильиче, принявшим готовую норму жизни, без изменений передаваемую из поколения в поколение. Идеал бездействия подкреплялся в воображении ребенка нянькиными сказками, в частности, одной из самых популярных и любимых в народе о «Емеле-дурачке», получающем от волшебной щуки разные дары, причем незаслуженные. Сказки глубоко проникают в сознание Ильи, и он, будучи уже взрослым, «бессознательно грустит подчас, зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка». Отсюда и фантастические, совсем в западноевропейском, протестантском духе мечты и планы Обломова:

— Ну, хорошо: пусть тебе подарили бы еще триста тысяч, что бы ты сделал? — спрашивал Штольц с сильно задетым любопытством.

— Сейчас же в ломбард, — сказал Обломов, — и жил бы процентами.

Как видим, Илья Ильич уже отвергает «единственное употребление капиталов — держать их в сундуке», понимая, что «долг всякого гражданина — честными трудами поддерживать общее благосостояние». Но труд, живая деятельность для православного Обломова — это наказание, своего рода грех. Значит, и вознаграждение за него, то есть те же деньги, — некая чертовщина, нечистая сила, болотная грязь (а в болоте, между прочим, согласно русским преданиям, кикимора живет!). Вот почему русскому православному человеку деньги изначально «руки жгли», и он всячески искал способа избавиться от них, дабы очистить душу и тело свое от нечисти, приставшей к ним. Об этом, например, вещает еще в петровские времена один из героев М.Загоскина старец Пафнутий из раскольничьего скита:

— Деньги!... Берегитесь, братие, сей прелести сатанинской!.. Деньги бо суть печать антихристова...

Вот почему Ф.М.Достоевский заставит свою героиню Настасью Филипповну Барашкову — «чрезвычайно русскую женщину»(!), по словам Гаврилы Ардальоновича Иволгина, — грязную пачку со ста тысячами («Фу, какая мерзость!») швырнуть в пламя камина; вот почему 40-летний герой рассказа А.П.Чехова «Пари» после добровольного 15-летнего заключения откажется от выигранных им «на пари» у некоего богача-банкира двух миллионов; вот почему Максим Горький уже в первом своем рассказе «Макар Чудра», характеризуя гордую красавицу Радду, между прочим, в одном предложении (!) расскажет о том, как «орлица» большой господарев кошель с деньгами «будто невзначай пнула ногой в грязь (имея в виду известную мудрость «грязь – к грязи» — Ю.Г.), да и все тут». В этом же ряду оказывается — уже в начале XX века — и «вор, гуляка, оторванный от всего родного» горьковский Челкаш, который, сначала бросив, а впоследствии и сунув в лицо Гавриле «радужные бумажки», «почувствовал себя героем». В этом ряду и «счастливая участь» двадцати тысяч долларов, выигранных генералом Чарнотой у Корзухина (пьеса М.Булгакова «Бег») и оделенных ими парижских «нищих и гладных»...

Как видим, тютчевское утверждение «умом Россию не понять» характерно и для XX и, вероятно, уже для XXI веков. Совершенно очевидно, что вышеперечисленные поступки героев-россиян, по-разному мотивированные и разными причинами обусловленные, имеют общий корень: они лежат в сфере эмоционально-духовной и ни в какой мере не могут рассматриваться с позиций рационального расчета, с какой бы то ни было «арифметической теории». Тем более что сама же первая из названных героинь произнесет приговор окружающим ее «героям своего времени»: «...теперь их всех такая жажда обуяла, так их разнимает на деньги, что они словно одурели» (разрядка моя — Ю.Г.). И ведь действительно «одурели» «разнятые на деньги» русские люди в романах «На ножах» Н.С.Лескова, «Золото» и «Приваловские миллионы» Д.Н.Мамина-Сибиряка, «Тысяча душ» А.Ф.Писемского... Между прочим, посвятив в 70-е годы несколько пьес разоблачению буржуазных хищников («Подкопы», «Просвещенное время», «Финансовый гений» и другие), Алексей Феофилактович признавался, что он «принялся за сильнейшего, может быть, врага человеческого, за Ваала и за поклонение золотому тельцу» (так у А.Ф.Писемского — Ю.Г.).

Это сознание своего пути и своего писательского кредо, естественно, причисляет А.Ф.Писемского к — увы! — немногочисленной плеяде русских писателей-идеалистов, «пророков в своем отечестве», которые увидели и художественно предсказали, каким злом обернется для россиян приверженность «презренному металлу». Памятуя народную мудрость о том, что «деньги – хороший в доме хозяин, но плохой слуга», они практически с необыкновенной «арифметической» точностью предсказали кардинальный поворот православных россиян в отношении к «золотому тельцу» через

двадцать лет, то есть через поколение. Пророчество, как известно из экономической истории России, сбылось: в конце XIX — начале XX веков наши соотечественники на какие только ухищрения не шли «в надежде приобрести излишнее», вплоть до преступления и — гибели... Над их неправедными душами правил бал Сатана...